

UDK 821.161.1.09:811.161.1'22

Алексей В. Соснин (Alexey V. Sosnin | Aleksej V. Sosnin)

НИУ ВШЭ (HSE University | Univerza VŠE)

alexsosnin@mail.ru

Юлия В. Балакина (Julia V. Balakina | Julija V. Balakina)

НИУ ВШЭ (HSE University | Univerza VŠE)

julianaumova@gmail.com

Полина Е. Белова (Paulina Ye. Belova | Polina E. Belova)

НИУ ВШЭ (HSE University | Univerza VŠE)

belova-paulina@mail.ru

ПРОЛЕГОМЭНЫ К КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОМУ
ИССЛЕДОВАНИЮ МОСКОВСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XXI ВЕКА

В статье даются теоретические предпосылки к когнитивному и семиотическому описанию московского текста, представленного в русской литературе XXI в. Применительно к знаковым репрезентациям города вводится понятие городского сверхтекста или инвариантной воспроизводимой текстовой структуры. Московский текст рассматривается в противопоставлении первому выделенному городскому сверхтексту русской литературы – петербургскому тексту. С семиотических позиций анализируются наиболее общие мотивы и ключевые мифы, конституирующие московский текст. Практическое описание московского текста предлагается осуществлять на основе литературных произведений, входящих в русский литературный канон, тем самым обеспечивается симбиоз языкознания и литературоведения в рамках общей семиотики. Соответственно, реконструкция московского текста в статье начинается с выявления его компонентов, присутствующих в литературных произведениях XIX в., далее рассматриваются признаки, привнесенные в него в XX в., и, наконец, анализируется специфика московского текста в его литературных реализациях, относящихся к XXI в. Предложенная программа семиотической интерпретации сверхтекстов подходит для описания сложных ментальных образований.

Ключевые слова: сверхтекст, городской текст, московский текст, семиотика, когнитивные исследования, русский литературный канон

The article offers theoretical prerequisites to a cognitive and semiotic description of the Moscow text in 21st-century Russian literature. The concept of super-text or invariable recurrent text structure is introduced and applied to textual representations of cities. The Moscow text is distinguished from the first urban super-text of Russian literature, the Saint-Petersburg text. The myths and common motifs forming the Moscow text are elucidated. I suggest that a practical description of the Moscow text can be made on the basis of the literary works constituting the Russian literary canon. This ensures the conformity of linguistics and literary studies within the framework of general semiotics. Hence the article starts with the basics of the Moscow text found in 19th-century fiction, moves on to the components it acquired in the 20th century, and ultimately explores the specifics of 21st-century textual representations.

The proposed strategy of semiotic interpretation of super-texts is suitable for describing complex mental constructs.

Keywords: super-text, urban text, Moscow text, semiotics, cognitive studies, Russian literary canon

1 Введение

Город является уникальным пространством, имеющим особые свойства и характерные структуры. В своей материальности он ясно обнаруживает текстовый принцип организации. Структура города складывается из множества семантически организованных знаков: архитектурных, ландшафтных, топонимических, лично-биографических, социокультурных и пр., – которые принадлежат как феномену города, поскольку являются его составляющими, так и его тексту, так как для их наименования используются средства естественного языка.

С лингвистических позиций городской (сверх)текст – это формализованное семантическое представление объекта реальной действительности, которое включает в себя не только его объективно истинные признаки; это нормативная реконструкция.

Относительно соотношения терминов «городской текст» и «сверхтекст города» отметим, что они используются как равнозначные, при этом первый – дань сложившейся традиции словоупотребления. Понятие «городской текст» было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В.Н. Топоровым в 1973 г. в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления», в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания (Топоров 1973: 227). Петербургский текст Топорова – это конструктивный, творческий термин. Сверхтекст – термин, более подходящий для собственно лингвистического описания: это единица «эмическая» (Harweg 1968: 17), инвариантная, воспроизводимая в противопоставлении тексту синтагматическому.

Это «глобальная» вербализация концепта «город», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т. е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат городского текста (являются его реализациями). Городской текст выступает здесь в качестве «концептуального каркаса».

Когнитивный и сверхтекстовый уровни, безусловно, соотносимы, но отождествлять их не вполне корректно. Концепт является абстрактной, ненаблюдаемой структурой. Первая же феноменологическая языковая данность имеет

форму текста, и именно она должна служить исходным лингвистического материалом для дальнейшего анализа. Текст – это первичная реальность всего гуманитарно-филологического мышления. Описание языка, таким образом, должно происходить в направлении от текста к системе: от синтагматических характеристик языковых единиц, которые наблюдаемы непосредственно, к постижению их парадигматических связей, т.е. от текста к сверхтексту.

В литературоведческой перспективе лондонский текст – это комплекс образов, мотивов, сюжетов, который воплощает модель бытия в городе как специфического феномена культуры. Городской текст рассматривается как форма переживания социокультурных особенностей данного локуса и механизм презентации идентичности членов социума в пространстве. Подход к изучению лингвокультуры с позиций ее сверхтекстов позволяет выявить ценностные приоритеты нации и уникальность её культуры, а также отразить менталитет и сознание народа. Сверхтексты представляют собой систему текстов, общность которых основана не только на тематической связанности, но и на существовании единого культурного кода, присутствующего в сознании людей. Таковы, например, локальные или городские сверхтексты, складывающиеся благодаря осмыслению специфики локуса. Важное место здесь занимают тексты, которые организуются вокруг образа большого, часто столичного, имеющего богатую историю города. В их число, бесспорно, входит Москва и московский текст, сформировавшийся в первой половине XIX столетия и продолжающий своё развитие в настоящее время. Московский текст как единица английской лингвокультуры являет собой семантический инвариант для группы текстов сходной тематики, реальных, или вербализованных, и потенциальных. На уровне ментальных представлений московскому тексту поставлена в соответствие этноспецифичная культурная константа. Помимо набора семантических признаков, московский текст инкорпорирует четкие алгоритмы их предикации и вербализации в синтагматических синтаксических последовательностях, разветвляемых из общей парадигмы. Соответственно предметом настоящего исследования выступает рекуррентная семантическая и синтаксическая структура московского текста в русской прозе и поэзии XXI века.

Материалом исследования стали 45 русских прозаических текстов о Москве, написанные следующими авторами: М.Алексеевой, Ю.Арабовым, А.Архангельским, В.Березиным, Н.Бесчастновым, М.Бородицкой, Е.Бунимовичем, Д.Быковым, Р.Быковым, А.Варламовым, О.Вельчинской, В.Вольфом, Ю.Гавриловым, Д.Глуховским, М.Голованивской, Д.Даниловым, А.Дергилёвой, В.Долиной, Д.Драгунским, А.Козловым, М.Кучерской, А.Макаревичем, А.Минкиным, М.Москвиной, О.Трифоновой, Л.Улицкой, О.Фочкиным, И.Цыбиным, С.Шаргуновым, В.Шаровым, Г.Шульпяковым, Т.Щербиной, – тексты, собранные в сборнике «Москва: место встречи» (Улицкая *et al.* 2016), а также 43 стихотворения, написанные в XXI веке М.Айзенбергом, А.Арининым, Т.Бережной, М.Бородицкой, Г.Брусницыной, Е.Бунимовичем, В.Долиной, В.Елистратовым, Ю.Левчуком, Н.Филатовой, О.Флярковской.

Помимо того что данные поэтические и прозаические тексты созданы современными писателями, поэтами, музыкантами, художниками, которые выросли в Москве или приехали в этот город учиться и остались в нём жить, выбор материала объясняется следующими причинами:

- литературное произведение выходит за рамки бытового, обыденного сознания и касается социальных, психологических, философских проблем; для него характерно наиболее полное функциональное проявление прагматического потенциала всех языковых единиц;
- ориентация на литературно-художественный текст в лингвистическом исследовании позволяет раскрыть традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами в новом, объединённом семиотическом ключе.

Теоретико-методологической основой настоящего исследования стала интегративная когнитивно-семиотическая теория сверхтекста, объединяющая лингвистический и литературоведческий подходы к его изучению в рамках единой семантики (Соснин 2014).

2 Степень научной разработанности темы московского текста

К городским текстам первым обратился Н.П. Анциферов в 20-е годы XX в., когда написал работы о литературных образах Петербурга. В 80-е годы появились статьи по изучению городских текстов у Ю.М. Лотмана (1983, 1984, 1986) и В.Н. Топорова (1983, 1984, 1987), которые тоже были посвящены северной столице. Благодаря В.Н.Топорову в научный оборот вошло само понятие «городской текст» (*vide supra*). В 90-е годы городские тексты стал исследовать М.С.Каган (1992). Именно трудам представителей тартуско-московской семиотической школы (Н.П.Анциферов, Ю.М.Лотман, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский, М.С.Каган, З.Г.Мицц и др.) и масштабному проекту петербургских учёных «Метафизика Петербурга» (Морева 1993) обязаны урбанистические исследования в России.

Западные учёные тоже проводили исследования в области символики архитектуры и семиотики города (Р.Барт, Ч.Дженкс К.Линч и др.). В результате появились такие понятия, как «образ города» (Lynch 1964), «семиотика пространства» (Барт 1989), «семантика пространства» (Jencks 1991). Учёные восприняли городское пространство как текст, пространство коммуникации, знаковую среду обитания человека.

На сегодняшний день наиболее изученным в русской литературе является петербургский текст (отечественные исследователи: Н.П.Анциферов (1926), И.М.Гревс (1910), М.С.Каган (1992), Д.С.Лихачёв (2001), Ю.М.Лотман (1983, 1984, 1986), Д.Л.Спивак (2017), В.Н.Топоров (1983, 1984, 1987) – и зарубежные: Э. Ло Гатто (Lo Gatto 1960), Дж.Манро (2016), Я.Хинрикс (Hinrichs 1997)). Исследования, посвящённые московскому тексту, представлены менее широко: сам В.Н. Топоров полагал, что, помимо петербургского, выделять другие городские

тексты в русской культуре не вполне оправдано. Тем не менее, в конце 90-х гг. XX в. – начале XXI в. выходят три сборника научных трудов: «Москва и „московский текст“ русской культуры» (Кнабе 1998), «Москва в русской и мировой литературе» (Кнабе 2000), «Москва и „московский текст“ в русской литературе XX века» (Кнабе 2005) под редакцией Г.С.Кнабе, которые включают работы Н.М.Малыгиной, М.П.Одесского, С.М.Телегиной, Н.В.Кориенко, Л.Ф.Алексеевой, И.С.Веселовой и др. В 2012 году появился сборник «Москва и „московский текст“ в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей» (Кнабе 2012), посвящённый выявлению образа Москвы в произведениях русских писателей XIX и XX веков. Благодаря этим работам понятие «московский текст» обрело статус научного термина и было включено в орбиту лингвистических изысканий. Серьёзный вклад в лингвистическую реконструкцию московского текста внесла новосибирский филолог Н.Е.Меднис (2003).

3 Московский текст в русской литературе XIX-XX веков

В русской литературе XVIII и даже XIX века московские тексты только начали появляться и не осознавались как идейное и художественное единство. Первыми здесь стали произведения Н.Карамзина, Ф.Глинки, К.Батюшкова, М.Загоскина, А.Грибоедова, А.Пушкина, А.Полежаева, В.Бенедиктова и М.Лермонтова, которые можно рассматривать как «прамосковский текст».

Мифопоэтическую основу московского текста составляют такие мифологемы, как Москва – сакральный город на семи холмах, новый Иерусалим, Москва – третий Рим, Москва – жертва огненной стихии 1812 года, Москва – воплощение женского начала, мать городов русских.

В первой половине XIX века в рамках московского текста начинается перевод совокупности топографических, пейзажно-климатических и этнографических характеристик Москвы на знаково-символьный уровень, дающий основание для выделения локального текста. Москва в литературе начала XIX века спокойна и величава. Она подобна красавице, знающей себе цену и позволяющей любоваться своими прелестями.

Во второй половине XIX века Москва – это чисто русский гостеприимный домашний город с патриархальными устоями жизни, противопоставленный деловому Петербургу. В жизни старой Москвы своя поэзия: теплота, душевность, уют, вольность и естественность. Петербург же изображается по контрасту с Москвой: это город типично европейский, город деловых людей и карьеры, он устремлён в будущее. В Москве же жизнь видится застывшей и бессодержательной, не способной к развитию.

В единстве мифопоэтических, топографических и топонимических, ландшафтно-климатических и знаково-символьных составляющих московский текст начинает восприниматься с появлением в первой половине XX века «московской»

прозы И.Бунина, А.Куприна, И.Шмелёва, А.Ремизова, М.Осоргина, А.Белого, Б.Зайцева.

Книга бытописателя В.Гиляровского «Москва и москвичи» тоже рассказывает о жизни и нравах столицы конца XIX – начала XX века. Однако описания дореволюционной Москвы Гиляровского противоположны, например, бунинским: герои очерков не дворяне и интеллигенты, а шпана и грабители, вместо красавицы Москвы-реки перед читателем предстают вонючая Неглинка и Трубная площадь, вместо Тверской улицы – шумная Большая Дмитровка, вместо Кремля – пропахший мясом Охотный ряд. Гиляровский описывает и привлекательные места столицы: Театральную и Сухаревскую площади, стену Китай-города, Нарышкинский сквер, но в то же время заглядывает в ночлежки Хитровки и трактир на Неглинном проезде. В столице Гиляровского всё время темно. Но писателю нравится даже такая Москва, потому что это его родной город.

В поэзии Серебряного века Москва является «сердцем» России, историческим центром страны, и в то же время это «женский» город, противопоставленный «мужскому» Петербургу.

По мнению Н.Е.Меднис, в «начале XX века вполне определились три литературных лика Москвы: Москва сакральная, часто выступающая семиотическим заместителем Святой Руси; Москва бесовская; Москва праздничная» (Меднис 2003: 100). Как отмечает М.В.Селеменова, в московском тексте первой половины XX века прослеживается «антитеза двух образов – Москвы православной и Москвы светской, антихристианской» (Селеменова 2009: 24), а во втором из них можно выявить элементы празднества и бесовства.

В прозе А.Платонова и Л.Леонова Москва предстаёт гигантской стройкой, центром индустриализации, оплотом социализма во всём мире. В советской литературе появляется поэтика урбанизма, представленная городскими индустриальными пейзажами, появлением названий-аббревиатур и антитезой «дома, особняки старой Москвы / районы типовых новостроек».

Культу Дома, который проповедовала литература русского зарубежья, в московском тексте 20-30-х гг. противопоставлено бездомье; семейственность и патриархальность уступают место одиночеству и странничеству; родовое имя забывается, его функцию выполняет имя символическое; условной заменой дома становится город Москва.

А.Белый в исторической эпопее «Москва» изображает столицу, погрязшую в хаосе животных инстинктов и плотских страстей, оставленную Богом. Писатель создает гротескный образ физически и духовно умирающей Москвы и не видит возможностей для её возрождения, поэтому завершает свою книгу описанием мощного взрыва, уничтожившего город.

М.Булгаков в своих повестях рисует неприветливую и даже агрессивную столицу, в которой царят грязь, пошлость и бескультурье, а в романе «Мастер и Маргарита» создаёт образ советской Москвы, сочетая её с традиционными мифологемами. Советская столица предстаёт у Булгакова бесовской и как бы заслоняет древнюю православную Москву. Бесовская же подчиняет себе даже таких героев, которых должны искать истину и служить добру, поэтому в романе «Мастер и Маргарита» формируется индивидуально-авторский миф о советской столице, наказанной очистительным огнём за грехи её жителей. Отношение Булгакова к Москве противоречивое: то он любуется и восторгается этим городом, то иронически и едко насмехается над его жителями, безразличными ко всему прекрасному.

Московский текст Б.Пастернака совмещает конкретные реалии города с мифологической и сказочной образностью. В стихах этого автора возникают картины пригорода Москвы и Воробьёвых гор, наполненные радостью жизни. В романе «Доктор Живаго» столица предстаёт в традиционном образе города-женщины и новом образе города-леса. Последний связан с эпохой революционных преобразований, когда ландшафтное и архитектурное своеобразие Москвы теряет свою значимость и передвижение по столице уподобляется блужданию по лесу или магическому кружению на месте под воздействием тёмных сил.

В 30-е годы появилась уже новая Москва. Старый дореволюционный город, конечно, не умер, но по всей стране начали строиться заводы, фабрики, государственные учреждения, стал активно развиваться городской транспорт, появились новые вокзалы, мосты, станции метро.

К середине XX века московский текст оформился как локальный текст русской литературы со своим знаково-символьным полем. В основу произведений о столице легли такие мифологемы, как «Москва – град Божий», «Москва – сердце России», «Москва – Феникс, возрождающийся после гибели в огне пожаров», «Москва – город-лес» и «Москва – город-женщина»; а также топологические параллели «Москва – третий Рим», «Москва – град Китеж», «Москва – новый Иерусалим», «Москва – новый Вавилон». Москвич классической русской литературы – основательный, хлебосольный человек широкой души, приверженец православия и семейных уз.

Во второй половине XX века Москву на страницах своих произведений представляли очень многие писатели и поэты, среди которых отметим И.Грекову, А.Рыбакова, А.Солженицына, Ю.Нагибина, Б.Окуджаву, Е.Винокурову, Ю.Трифонову, Г.Семёнова, В.Войновича, Е.Евтушенко, А.Вознесенского, В.Орлова, В.Токареву, В.Маканина, В.Высоцкого, В.Ерофеева, Л.Петрушевскую, В.Пьецуха.

В творчестве писателей 60-80-х годов XX века (И.Грековой, Ю.Нагибина, Ю.Трифонову, Г.Семёнова) герои, коренные москвичи, воспринимают столицу как привычную для себя среду обитания, поэтому сожалеют об уходящей в прошлое многоцветной, хаотичной, эклектичной Москве с её кривыми улицами

и переулками. Одновременно с этим в прозе 1960-80-х гг. намечается тенденция к унификации городского текста. Местом жительства большинства людей являются типовые новостройки, не имеющие каких-либо отличительных черт, а исторический центр города остаётся вне поля их зрения.

Обобщая изображение Москвы в литературе XX века, отметим, что это город, вобравший в себя и азиатскую, и европейскую культуру. Москва всё так же остаётся оплотом православия, религиозным центром страны. Но это уже непригодное для спокойной жизни место. В нём появился криминал, люди разделились на бесправных и всемогущих. Отныне Москва ассоциируется с властью. Столица начинает терять семантику патриархальности и семейственности, на смену которым приходит карьеризм, нажива, разобщённость и одиночество людей.

Локусы Москвы, наиболее упоминаемые в XX веке, – это Кремль, Москва-река и Яуза, Арбат и Арбатская площадь, Зарядье, Китай-город, Котельническая набережная, Кутузовский проспект, улицы Кузнецкий Мост, Остоженка, Пречистенка, Садовая, Сивцев Вражек, Староконюшенный, Камергерский и Большой Каретный переулки, Патриаршие пруды, храм Христа Спасителя, колокольня Ивана Великого, Иверская часовня, церковь Николая Чудотворца, районы Замоскворечье и Останкино. С начала до конца XX века наблюдается постепенный отход от исторических локусов столицы в пользу мест, где протекает повседневная жизнь героев.

4 Московский текст в русской литературе начала XXI века

В XXI веке московский текст как локальный текст русской литературы уже не вызывает острые дискуссии относительно своего вычленения и оформился в отечественной филологии с точки зрения семиотики, мифопоэтики и концептосферы. Уже традиционными мифологическими образами считаются Москва как город-женщина, обитель православия, воплощение соборности, третий Рим и т.п.

Новейшая русская литература ищет другие изобразительные средства для адекватного отражения современных реалий московского мегаполиса и тем самым обозначает новые направления в формировании московского текста, требующие переосмысления имеющихся текстуальных моделей.

Представителями новой московской прозы являются А.Кабаков, Л.Улицкая, Д.Рубина, Ю.Поляков, О.Славникова, В.Пелевин, В.Березин, Е.Гришковец, А.Аствацатуров, А.Барбух, А.Иличевский, Р.Сенчин, С.Шаргунов и др. Исследованием современных прозаических текстов о Москве активно занимается М.В.Селеменова, анализируя прозу Е.Гришковца, А.Иличевского, Р.Сенчина, С.Шаргунова.

Выделим основные особенности текстов названных авторов. Москва Ю.Полякова – грандиозная столица, пронизанная потаёнными смыслами скрытых поворотов

улиц, отдельных дворов и других разнообразных локусов, открывающихся желающим их увидеть. Москва для писателя своя, найденная подобно сокровищу, внимательно рассматриваемая и оценённая пытливим умом.

Столица москвича Полякова – гордая и холодная, как её жители. Она не желает открывать своё неоспоримое очарование первому встречному. Москву надо к себе расположить, растопить в её сердце лёд. И это касается как коренного москвича, так и человека, приехавшего покорять столицу.

Столичные жители Полякова, вопреки общему мнению, не надменны и хамоваты, а беззащитны и часто остаются обманутыми, причём не из-за собственного простодушия, а потому, что не могут изжить из своих характеров старомосковскую черту: верить людям до последнего, поскольку неверие унижает самого себя. Москвичи Полякова сознательно никому не делают зла. Коль скоро они живут в Москве, то и отвечают за этот город и за то, чтобы в нём не торжествовало зло. Таковы главные герои романов «Замыслил я побег...», «Грибной царь», «Козлёнок в молоке» и «Гипсовый трубач».

Москвичи Полякова с детства чувствуют величие своего города и хотят жить в гармонии с ним, ибо он вечен, а рядом с вечностью надо выглядеть соответствующе. Столица Полякова многообразна: уютна и в то же время необъятна, величественно нетороплива и проживающая насыщенную, полную изменений жизнь. Писатель очень остро чувствует, что архитектурный облик его города пытаются изменить, но Москва с переменным успехом сопротивляется этому, оставаясь прекрасной независимо от новых отметин на своём измученном теле.

Итак, Ю.Поляков в своей прозе развивает мифологему «Москва – город-женщина» и изучает столицу как объект вожделения. В ранних повестях писателя, относящихся к XX веку, Москва ещё нетороплива и патриархальна. В XXI веке город изменяется: «ощеривается», обрастает неприглядными подробностями. Но эта трансформация лишь внешняя. Во всех «московских» произведениях Полякова живёт вера в то, что столицу империи невозможно погубить, это вечный город. Так у писателя воплощается миф «Москва – третий Рим». В романе «Гипсовый трубач» автор постепенно примиряется с изменённым обликом столицы, принимая его как один из этапов в бесконечном развитии.

Особенно абсурдный, внушающий страх, отталкивающий образ Москвы создан в романе Д.Рубиной «Синдикат». Писательница отмечает как доминантные точки современной столицы памятник Петру Первому скульптора З.Церетели – «сувенир высотой с Эйфелеву башню» (Рубина 2004: 12), элитные ночные клубы и «шестнадцатизэтажные унылые блочные дома серого цвета, швы между панелями заделаны чёрной смолой» (Рубина 2004: 68). Через эти реалии представлена другая, непривычная москвичам столица, «притягательный город-монстр».

У В.Березина в рассказе «Двадцать второе июня» вместо благодатной столицы тоже присутствует чужой, неприятный город. Писатель отмечает, например, дом, с каждого балкона которого торчит тарелка спутниковой связи. А в центре города заново отстроены ампирные особняки с чужими прозрачными окнами.

В прозе Е.Гришковца (романы «Асфальт» и «Рубашка», сборники рассказов «Планка» и «Следы на мне») Москва предстаёт огромным мегаполисом, который в поединке с природой всегда побеждает. Город с помощью достижений цивилизации изменяет естественный ландшафт местности, погодные условия, природные звуки и запахи.

В своём московском тексте Гришковец опирается на традиционную мифологию «Москва – город-женщина», но трактует её оригинально и даже провокационно: в столице он не находит оберегающего материнского начала, напротив, она либо равнодушна, либо откровенно враждебна, жестока к тем, кто пытается её покорить, найти в ней своё место.

Гришковец смотрит на Москву глазами провинциала, который видит в столице враждебное начало, но постепенно обживает её, в результате чего чужое пространство присваивается, становится своим. Писатель воссоздаёт хронотоп мегаполиса – типовые спальные районы, где с трудом ориентируются даже коренные москвичи, и время, идущее слишком быстро, навязывающее людям ускоренный темп жизни. В романах «Рубашка» и «Асфальт» Москва подобна Вавилону – она такая же многонаселённая, собравшая людей разных национальностей, которые проводят свою жизнь в бесконечной и нередко бесплодной работе в различных учреждениях и офисах. Повседневная жизнь мегаполиса показана писателем как «чередa «каких-то недоделанных дел, недовстреченных встреч, каких-то мелких соблазнов и тревог» (Гришковец 2009: 153). И здесь важно то, что Москва как город её новых жителей не интересует. Они приехали сюда в поисках финансового благополучия, карьерного роста и успеха. Главной ценностью для приезжего «москвича» становится спокойствие, которое подразумевает замедление времени и средоточие жизни в пространстве квартиры или дачного домика. Сакральный же смысл Москвы скрыт от её новых жителей. Открывается он только тому, кто достоин постичь его, и происходит это постепенно.

В прозе Гришковца стандартизированное городское пространство – единственная реальность, знакомая героям; это их обычная среда обитания. Они воспринимают городской образ жизни как самый комфортный и единственно возможный для себя способ существования, но при этом хорошо осознают и проблемы урбанизированного общества, главные из которых – разрыв с миром природы и отчуждение от людей.

В тетралогии А.Иличевского «Солдаты Апшеронского полка» Москва предстаёт в разных «лицах»: это роскошная имперская столица и маргинальное подземелье, город-женщина и деловой и финансовый центр страны. В «Матиссе»

Иличевский очерчивает в маргинальной Москве «ареал подпольного обитания: путевые туннели вокзалов, ниши путепроводов, сухие коллекторы, теплые подвалы, окрестности свалок, попрошайные посты» (Иличевский 2013: 9). В «Персе» изображена парадная сторона российской столицы, прикрывающая неустроенность и бедность остальной России: «Жизнь в Москве спекулятивная, несправедливая, хотя благополучие в ней очевидней несчастья. Кремль – со всеми его колокольнями, куполами – казался мне парадным, заповедным сервизом, из кубков которого если и пьют, то только брагу, отравленную властью...» (Иличевский 2013: 241). В «Математике» Москва предстаёт в образе матери, выступая авторской интерпретацией традиционной мифологемы «Москва – город-женщина».

Для героев романов А.Иличевского Москва одновременно и место притяжения, поскольку там происходят судьбоносные встречи и поворотные события, и точка противостояния, место своеобразной дуэли с судьбой. Иличевский отражает в своей тетралогии главные черты современного московского текста – мотив тесноты и борьбы за жизненное пространство, пустоты, овеществления человека, но при этом ориентируется на традиционные мифопоэтические (часто переосмысливая их) и семиотические основы московского текста.

Взгляд на Москву у Р.Сенчина подчёркнуто нестоличный: он смотрит на мегаполис из окна съёмной квартиры в спальном районе, где живёт его герой. В произведениях Сенчина нет любования историческим центром и тоски по разрушающейся старой Москве, а традиционные сакральные локусы столицы практически не представлены. Изображая повседневную жизнь Москвы на рубеже XX–XXI веков, Сенчин находит в монотонной повседневности бытийный смысл. Взгляд писателя на столицу полнее всего представлен в романе «Московские тени».

Москва в прозе Р.Сенчина – переполненный людьми мегаполис, но при всей тесноте столица кажется семиотически пустой, так как знаковые историко-культурные локусы автор обходит вниманием. Когда подобный объект столицы появляется в романе, Сенчин лишает его статусности и историко-культурного ореола: «Останкинская телебашня раздражающе сверкает, как новогодняя ёлка, среди мутного полумрака» (Сенчин 2009: 15). В жизни сенчинских героев фигурируют безликие и именуемые короткий век постройки: «дешёвый пивной ларёк» у метро, киоск у «Бауманской», магазин «Стелла» и т.п. В «Московских тенях» создаётся впечатление, что в спальнях районах столицы отсутствуют локусы иного типа.

Для московского текста Р.Сенчина характерен мотив мёртвого сна, то есть умирания при жизни, вызванного лишённым смыслом повседневным существованием людей. Среднестатистический житель столицы описан как «безвольный, размякший, дряблый»; сфера его интересов – «погода, футбол и криминальные новости» (Сенчин 2009: 115). Москвич Р.Сенчина – развитие художественной концепции столичного обывателя Ю.Трифорова: это эгоист, для которого семейная жизнь – клетка. Герои Сенчина, даже имеющие семьи, чувствуют себя одиночками.

С.Шаргунов в создании образа столицы традиционен: для него Москва – это город-храм. В автобиографическом романе «Книга без фотографий» столица даже во времена СССР является обителью православия. Ключевые московские локусы у Шаргунова – храм Всех Скорбящих Радости, Марфо-Мариинская обитель, Зачатьевский монастырь, церковная гимназия на Остоженке, восстановленный храм Христа Спасителя. При этом православная Москва показана как потаённая часть советской Москвы.

Парадная столица в прозе С.Шаргунова – это «сохранившаяся старинная Москва» (Шаргунов 2011: 45), исторический центр города (Большая Дмитровка, Большая Ордынка, Остоженка). Вместе с тем писатель показывает и изнанку столицы: вокзалы, общежития (локусы бездомья) и казённые учреждения (локусы власти). В этих картинах преобладают слова с семантикой бедности, неустроенности, неуюта. Если старую Москву герои воспринимают как дом, новая окраинная Москва является местом испытаний и утрат.

Как отмечает А.С.Немзер, образ Москвы в прозе О.Славниковой, Е.Гришковца Р.Сенчина и С.Шаргунова – при всех отмеченных различиях – отражает общую тенденцию русской литературы XXI века: воссоздавать Москву как «имперскую обманку» (Немзер 2003: 193), которая обещает быстрый успех, финансовую стабильность, личное счастье, а в итоге навязывает герою офисное рабство, одиночество в толпе спешащих на работу и с работы людей, усталость от гонки за успехом и существование, доведённое до автоматизма.

Таким образом, говоря словами Е.Е.Левкиевской, из «уютной «домашней» старушки Москвы с её специфической структурой» столица превратилась «в задыхающийся от своей величины бесструктурный мегаполис» (Левкиевская 1997: 832). Если рассматривать художественные произведения указанных прозаиков XXI века как сверхтекст, можно отметить происходящую в нём трансформацию мифа о Москве как городе-доме в миф о столице как городе карьеры.

Однако в новейшей русской литературе есть и другой взгляд на Москву. У А.Аствацатурова это город, открытый людям: столица, как прежде, «протягивает» жителям «ладони больших площадей» (Аствацатуров 2019: 20). Только Москва, по убеждению писателя, «недовольна своими коренными жителями. Она, как девушка, не терпит безразличия. Её непременно нужно, чтобы её любили. [...] А ленивые и нелюбопытные москвичи не в состоянии ей всего этого дать. Они любят Москву по инерции», поэтому не рассматривают её красоты, не удивляются тому, что улицы столицы «всё время извиваются, петляют, идут то вверх, то вниз». Москвичам надоедает городская суета, и они норовят хоть ненадолго вырваться из неё. «И тогда Москва пустеет, призывно звеня курантами и сверкая ночной рекламой. Ей некуда девать энергию могучих зданий, улиц, рвущихся во все стороны, магистралей метрополитена, пронзающих древние земные слои. [...] И тут прибывает новое действующее лицо, герой-любовник, жаждущий познать Москву и воздать ей должное. [...] Именно он нужен Москве. Именно ради него она так часто меняла свое обличье. Ради него здесь сносили дряхлые

церкви и на их месте возводили современные благоустроенные жилищные комплексы. Ради него устремляли в небо острые шпили и открывали аква-парки» (Аствацатуров 2019: 45–46). Аствацатуров развивает традиционную мифологию «Москва – город-женщина» и представляет столицу в образе женщины, скупающей со старым мужем и ждущей энергичного любовника.

Процесс проникновения новых столичных реалий в литературу XXI века не привёл к появлению в московском тексте каких-то знаковых локусов и к противопоставлению исторического центра, всем известных мест столицы и её окраин, отдалённых от центра районов.

В московском тексте новейшей русской литературы городская среда воспринимается авторами не как родное и знакомое место жительства, а как преобразованная в угоду нынешнему времени искусственно созданная действительность, безжалостно отбирающая у человека привычный для него уклад жизни. Образ современной Москвы теряет семантику родства, соборности, вбирая в своё смысловое поле такие черты, как разобщённость и одиночество. Сопrotивление авторов существующему сейчас темпу жизни проходит красной нитью по всей малой прозе о Москве.

В художественных произведениях XXI века чаще всего упоминаются Красная площадь, Кремль, Москва-река, Кутузовский проспект, Цветной бульвар, улицы Арбат, Малая Грузинская, Большая Дмитровка, Большая Ордынка, Остоженка, Пятницкая, Солянка, Тверская, МГУ, храм Христа Спасителя, Воробьёвы горы, районы Москва-сити, Пресня и Сокольники, Ходынка.

Таким образом, в московском тексте XXI века отмечается сохранение традиции в изображении Москвы как города-женщины и города-государства, но отказ от таких мифологем, как жертва огня и третий Рим; вместе с тем складывается новый миф: Москва – пространство карьеры, успеха и финансового благополучия (Е.Гришковец, А.Иличевский, Р.Сенчин). Кроме этого, наблюдается снижение статуса ряда знаковых мест столицы (Кремль, Красная площадь) в пользу локусов, не имеющих историко-культурного значения (мир серых многоэтажек и безликих офисов); преобладание образов, характеризующих личное отношение авторов к городу («город-монстр» Д.Рубиной, неприветливый город Ю.Полякова и В.Березина, место притяжения героев и локус их противостояния судьбе у А.Иличевского).

5 Заключительные выводы

Город занимает особое и исключительно важное место в истории вообще и в истории культуры в частности. Городской текст представляет собой образ локуса в художественных текстах, публицистике, рекламе и складывается благодаря осмыслению специфики локуса и запечатлению её в текстах культуры.

Понятие «московский текст» появилось в науке вслед за понятием петербургского текста в трудах В.Н.Топорова, однако учёный считал, что на то время московский текст был ещё не сформирован. Тем не менее, Топоров отмечал, что, в сравнении с Петербургом, «в Москве живётся удобно, уютно, свободно («по своей воле»), надёжно (с опорой на семью, род, традицию)». Таким образом, В.Н.Топорова можно считать основателем учения о московском свёрхтексте.

В.Н.Топоров же в своей книге «Петербургский текст русской культуры» выделяет такие семантические характеристики Москвы, как «растительность» и «христоцентричность», подчёркивая её природность и вольность. Говоря об отличиях Москвы и Петербурга, исследователь отмечает, что Москва в русской культуре подобна природному объекту, она органична, свободна. А Петербург – искусственное сооружение, объект рукотворный, вызванный к жизни чьей-то волей.

В литературе XVIII и XIX веков Москва в качестве места жительства персонажей представлена меньше, чем Петербург, что логично объясняется перенесением столицы России в то время в город на Неве. Но когда после революции 1917 года Москва вернула себе звание столичного города, в литературе произошёл всплеск интереса к этому локусу, и XX век можно считать периодом окончательного формирования московского текста.

В XXI же веке жизнь столицы опять начала сильно меняться. Москва стала мегаполисом, одним из крупнейших городов мира, что отразилось, естественно, и в художественных произведениях. Вот почему XXI век можно считать новым этапом в развитии московского текста.

Формируемый городским текстом целостный образ урбанистического пространства всегда индивидуален и в то же время закреплён типологически. Он возникает из повторяющихся тем, предметов, сюжетов и мотивов. Они составляют некую свёрхструктуру, которую можно выявить в городском тексте той или иной эпохи.

Источники и ЛИТЕРАТУРА

Николай. П. АНЦИФЕРОВ, 1926: *Пути изучения города как социального организма*. Ленинград.

[Nikolaj P. ANCIFEROV, 1926: *Puti izučenija goroda kak social'nogo organizma*. Leningrad.]

Андрей А. АСТВАЦАТУРОВ, 2019: *Люди в голом*. Москва.

[Andrej A. ASTVACATUROV, 2019: *Ljudi v golom*. Moskva.]

Ролан БАРТ, 1989: *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва.

[Roland BARTHES, 1989: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poëtika*. Moskva.]

- Николай В. ГОГОЛЬ, 1978: Петербургские записки 1836 года. *Собрание сочинений в 7 т. Том 6.* Москва.
- [Nikolaj V. GOGOL', 1978: Peterburgskie zapiski 1836 goda. *Sobranie sočinenij v 7 t. Tom 6.* Moskva.]
- Иван М. ГРЕВС, 1910: *К теории и практике «экскурсий».* Санкт-Петербург.
- [Ivan M. GREVS, 1910: *K teorii i praktike «ekskursij».* Sankt-Peterburg.]
- Евгений ГРИШКОВЕЦ, 2009: *Планка. Рассказы.* Москва.
- [Evgenij GRIŠKOVEC, 2009: *Planka. Rasskazy.* Moskva.]
- Александр ИЛИЧЕВСКИЙ, 2013: *Солдаты Апшеронского полка. Матисс. Перс. Математик. Анархисты: Романы.* Москва.
- [Aleksandr ILIČEVSKI, 2013: *Soldaty Apšeronskogo polka. Matiss. Pers. Matematik. Anarhisty: Romany.* Moskva.]
- Моисей С. КАГАН, 1992: Культура города и пути её изучения. *Город и культура: Сборник науч. трудов.* Санкт-Петербург.
- [Moisej S. KAGAN, 1992: Kul'tura goroda i puti ee izučeniya. *Gorod i kul'tura: Sbornik nauč. trudov.* Sankt-Peterburg.]
- Георгий С. КНАБЕ (ред.), 1998: *Москва и «московский текст» русской культуры: Сборник статей.* Москва.
- [Georgij S. KNABE (red.), 1998: *Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury: Sbornik statej.* Moskva.]
- Георгий С. КНАБЕ (ред.), 2000: *Москва в русской и мировой литературе: Сборник статей.* Москва.
- [Georgij S. KNABE (red.), 2000: *Moskva v russkoj i mirovoj literature: Sbornik statej.* Moskva.]
- Георгий С. КНАБЕ (ред.), 2005: *Москва и «московский текст» в русской литературе XX века: Сборник статей.* Москва.
- [Georgij S. KNABE (red.), 2005: *Moskva i «moskovskij tekst» v russkoj literature XX veka: Sbornik statej.* Moskva.]
- Георгий С. КНАБЕ (ред.), 2012: *Москва и «московский текст». Москва в судьбе и творчестве русских писателей: Сборник статей.* Москва.
- [Georgij S. KNABE (red.), 2012: *Moskva i «moskovskij tekst». Moskva v sud'be i tvorčestve russkih pisatelej: Sbornik statej.* Moskva.]
- Елена Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ, 1997: Москва в зеркале современных православных легенд. *Лотмановский сборник 2.*
- [Elena E. LEVKIEVSKAJA, 1997: Moskva v zerkale sovremennyh pravoslavnyh legend. *Lotmanovskij sbornik 2.*]
- Дмитрий С. ЛИХАЧЕВ, 2001: Образ города и проблема исторической преемственности развития культур. *Раздумья о России.* Санкт-Петербург.
- [Dmitrij S. LIHAČEV, 2001: Obraz goroda i problema istoričeskoj preemstvennosti razvitija kul'tur. *Razdum'ja o Rossii.* Sankt-Peterburg.]
- Юрий М. ЛОТМАН, 1983: Культура и текст как генераторы смысла. *Кибернетическая лингвистика.* Москва.
- [Jurij M. LOTMAN, 1983: Kul'tura i tekst kak generatory smysla. *Kibernetičeskaja lingvistika.* Moskva.]

- Юрий М. ЛОТМАН, 1984: Символика Петербурга и проблемы семиотики города. *Труды по знаковым системам* 18. Тарту.
- [Jurij M. LOTMAN, 1984: Simvolika Peterburga i problemu semiotiki goroda. *Trudy po znakovym sistemam* 18. Tartu.]
- Юрий М. ЛОТМАН, 1986: К современному понятию текста. *Ученые записки Тартуского государственного университета* 736. Тарту.
- [Jurij M. LOTMAN, 1986: K sovremenному ponjatiju teksta. *Učenyje zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* 736. Tartu.]
- Юрий В. МАНН, 1998: Москва в творческом сознании Гоголя (Штрихи к теме). *Москва и «московский текст» русской культуры: Сборник статей*. Москва.
- [Jurij V. MANN, 1998: Moskva v tvorčeskom soznanii Gogolja (Štrihi k teme). *Moskva i «moskovskij tekst» russoj kul'tury: Sbornik statej*. Moskva.]
- Джордж МАНРО, 2016: *Петербург в царствование Екатерины Великой. Самый умышленный город*. Санкт-Петербург.
- [Džordž MANRO, 2016: *Peterburg v carstvovanie Ekateriny Velikoj. Samyj umyšlennyj gorod*. Sankt-Peterburg.]
- Нина Е. МЕДНИС, 2003: *Сверхтексты в русской литературе: Учебное пособие*. Новосибирск.
- [Nina E. MEDNIS, 2003: *Sverhteksty v russoj literature: Učebnoe posobie*. Novosibirsk.]
- Любава МОРЕВА, 1993: *Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. Санкт-Петербург.
- [Ljubava MOREVA, 1993: *Metafizika Peterburga. Peterburgskie čteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury*. Sankt-Peterburg.]
- Андрей С. НЕМЗЕР, 2003: *Замечательное десятилетие русской литературы*. Москва.
- [Andrej S. NEMZER, 2003: *Zamečatel'noe desjatiletie russoj literatury*. Moskva.]
- Дина И. РУБИНА, 2004: *Синдикат*. Москва.
- [Dina I. RUBINA, 2004: *Sindikat*. Moskva.]
- Марина В. СЕЛЕМЕНОВА, 2009: «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.). *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика* 2.
- [Marina V. SELEMEANOVA, 2009: «Moskovskij tekst» v russoj literature XX v. (na materiale hudožestvennoj prozy 1910–1950-h gg.). *Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Žurnalistika* 2.]
- Роман СЕНЧИН, 2009: *Московские тени*. Москва.
- [Roman SENČIN, 2009: *Moskovskie teni*. Moskva.]
- Александр И. СОЛЖЕНИЦЫН, 2006: *В круге первом*. Москва.
- [Aleksandr I. SOLŽENICYN, 2006: *V krugu pervom*. Moskva.]
- Алексей В. СОСНИН, 2014: Лондонский текст как когнитивно-семиотический конструкт. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация* 4.
- [Aleksej V. SOSNIN, 2014: Londonskij tekst kak kognitivno-semiotičeskij konstrukt. *Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija* 4.]
- Дмитрий Л. СПИВАК, 2017: *Метафизика Петербурга. Историко-культурологические очерки*. Москва.

- [Dmitrij L. SPIVAK, 2017: *Metafizika Peterburga. Istoriko-kul'turologičeskie očerki*. Moskva.]
- Владимир Н. ТОПОРОВ, 1973. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления. *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague-Paris.
- [Vladimir N. TOPOROV, 1973. O strukture romana Dostoevskogo v svjazi s arhaičeskimi shemami mifologičeskogo myšlenija. *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague, Paris.]
- Владимир Н. ТОПОРОВ, 1983: Пространство и текст. *Текст: семантика и структура*. Москва.
- [Vladimir N. TOPOROV, 1983: Prostranstvo i tekst. *Tekst: semantika i struktura*. Moskva.]
- Владимир Н. ТОПОРОВ, 1984: Петербург и «Петербургский текст русской литературы». *Труды по знаковым системам* 18. Тарту.
- [Vladimir N. TOPOROV, 1984: Peterburg i «Peterburgskij tekst ruskoj literatury». *Trudy po znakovym sistemam* 18. Tartu.]
- Владимир Н. ТОПОРОВ, 1987: Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте. *Исследования по структуре текста: Сборник статей*. Москва.
- [Vladimir N. TOPOROV, 1987: Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologičeskom aspekte. *Issledovanija po strukture teksta: Sbornik statej*. Moskva.]
- Людмила Е. УЛИЦКАЯ, Д. А. ГЛУХОВСКИЙ, Д. Л. БЫКОВ et al., 2016: *Москва: место встречи*. Москва.
- [Ljudmila E. ULICKAJA, Dmitrij A. GLUHOVSKIJ, Dmitrij L. BYKOV et al., 2016: *Moskva: mesto vstreči*. Moskva.]
- Сергей А. ШАРГУНОВ, 2011: *Книга без фотографий*. Москва.
- [Sergej A. ŠARGUNOV, 2011: *Kniga bez fotografij*. Moskva.]
- Anton BREZNIK, 1982: Jezikoslovne razprave. Ur. Jože Toporišič. Ljubljana.
- Aleksandra DERGANČ, 2014: Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih. *Slavistična revija* 62/4.
- Roland HARWEG, 1968: *Pronomina und Textkonstitution*. München.
- Jan P. HINRICHS, 1997: *Search of Another St. Petersburg. Venice in Russian Poetry*. München.
- Charles JENCKS, 1991: *The Language of Postmodern Architecture*. New York.
- Ettore LO GATTO, 1960: *Il mito di Pietroburgo: storia, leggenda, poesia*. Milano.
- Kevin LYNCH, 1964: *The Image of the City*. Cambridge, MA.

POVZETEK

Članek podaja teoretične predpogoje za kognitivni in semiotični opis t. i. moskovskega besedila, predstavljenega v ruski literaturi XXI. stoletja. Za simbolične predstave o mestu je uveden koncept urbanega superbesedila ali nespremenljive ponovljive strukture besedila. Moskovsko besedilo je vzpostavljeno kot nasprotje prvemu uglednemu urbanemu nadbesedilu ruske literature – peterburškemu besedilu. Najsplošnejši motivi in ključni miti, ki sestavljajo moskovsko besedilo, so analizirani s semiotičnega stališča. Praktični opis moskovskega besedila naj bi se izvedel na podlagi literarnih del, vključenih v ruski literarni kanon, s čimer

bi zagotovili simbiozo jezikoslovja in literarnovednih študij v okviru splošne semiotike. V skladu s tem se rekonstrukcija moskovskega besedila v članku začne z identifikacijo njegovih sestavnih delov, prisotnih v literarnih delih 19. stoletja, čemur sledi obravnava značilnosti, vnesenih v 20. stoletju, in na koncu določitev posebnosti moskovskega besedila v njegovih literarnih izvedbah 21. stoletja. Predlagani program semiotične interpretacije nadbesedil je primeren za opisovanje zapletenih miselnih tvorb.